

A close-up portrait of a woman with dark hair, wearing a black headscarf. She is looking directly at the camera with a serious, intense expression. The lighting is dramatic, coming from the side, highlighting her face against a dark background.

Александр Непомнящих

Свет чужого окна

Александр Непомнящих

Свет чужого окна

«Автор»

2026

Непомнящих А.

Свет чужого окна / А. Непомнящих — «Автор», 2026

Данная повесть является художественным произведением, основанным на реальных событиях. Имена изменены, некоторые детали вымышлены. Произведение написано с уважением к памяти реального человека и его близких.

© Непомнящих А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Александр Непомнящих

Свет чужого окна

Глава 1

Авторское примечание: Данная повесть является художественным произведением, основанным на реальных событиях. Имена изменены, некоторые детали вымышлены. Произведение написано с уважением к памяти реального человека и его близких.

Если вы или ваши близкие переживаете тяжёлый период, пожалуйста, не оставайтесь наедине со своими мыслями. В России работают бесплатные службы психологической помощи:

Телефон доверия: 8-800-2000-122 (бесплатно, круглосуточно, анонимно)

Экстренная психологическая помощь МЧС: 8-495-989-50-50

Помните: боль проходит. Помощь существует. Вы не одни.

Утро

Жора проснулся раньше хозяина. Это было в его характере — ворон всегда жил по собственному расписанию, не подстраиваясь ни под солнце, ни под человека. Он сидел на своей жёрдочке в просторной клетке, занимавшей добрый угол комнаты, и чёрными бусинами глаз следил, как Марк спит, уткнувшись лицом в подушку.

— Вставай, — сказал Жора хриплым басом, в котором слышалась отчётливая насмешка. — Вставай, говорят.

Марк не шевелился.

Жора постучал клювом по металлической поилке. Звук был резкий, металлический, неприятный. Потом он повторил фразу, которую слышал сотни раз и которая, как ему казалось, подходила к ситуации лучше всего:

— Ну ты даёшь.

Марк открыл один глаз. Ему было двадцать восемь, но по утрам, в первые минуты после пробуждения, он выглядел то ли на пятнадцать, то ли на пятьдесят — возраст в его лице ещё не определился и плавал, как ртуть.

— Доброе утро, старик, — сказал он, потягиваясь.

— Старик, — эхом отозвался Жора, и это было похоже на правду. Ворону было девять лет, и по вороньим меркам он действительно входил в зрелость. Но Марк называл его стариком с той нежностью, с какой называют старых друзей, с которыми прожил половину жизни.

Девять лет назад, после августовской грозы, он нашёл его под елью — крошечный, мокрый, ещё слеповатый комок пуха с раскрытым розовым ртом. Птенец пищал так жалобно, что Марк, шедший тогда по лесной тропе с рюкзаком, не мог пройти мимо. Он был сам ещё почти птенцом — восемнадцатилетним парнем, который не знал, кем хочет быть, и жил с матерью в маленьком уральском городке, где, кроме леса и реки, казалось, ничего и нет.

Сейчас на Марка в инстаграме и ютубе были подписаны два миллиона человек. Они приходили смотреть на Жору — как тот играет в крестики-нолики, как открывает дверцы, как повторяет слова, как смотрит на хозяина с видом философа, который всё понял про этот мир, но решил промолчать.

Марк встал, надел халат, подошёл к клетке. Жора, увидев его, затанцевал — переминался с лапы на лапу, наклонял голову, подпрыгивал.

— Здорово, красавец, — сказал Марк, протягивая палец сквозь прутья.

Жора осторожно клюнул палец — не больно, так, обозначая приветствие.

— Завтрак, завтрак, завтрак, — затараторил ворон.

Марк усмехнулся. Жора знал это слово наизусть и произносил его всякий раз, когда видел хозяина утром, — не потому, что хотел есть, а потому, что это была ритуальная фраза, часть их общего утреннего церемониала.

На кухне Марк сварил себе кофе, выложил на тарелку кусок хлеба с сыром, а Жоре — его завтрак: размоченную гречку, с варёным яйцом и кусочками яблока. Ворон ел аккуратно, почти интеллигентно, разбивая пищу клювом на мелкие кусочки. Марк смотрел на него и думал о том, что Жора — единственное существо на свете, которое никогда его не обманет. Никогда не скажет одно, а сделает другое. Никогда не исчезнет.

Он погладил ворона по тёмной, отливающей синевой голове. Жора прищурился и тихо, почти нежно, произнёс:

— Хорошо.

Это слово Жора выучил сам. Марк никогда его не учил. Просто иногда, когда они сидели вечером вдвоём и в доме было тихо, Марк говорил вслух: «Хорошо». И ворон запомнил.

Подписчица

Она появилась в его жизни полтора года назад. Обычная подписчица — таких были тысячи. Написала в директ первое сообщение:

«Здравствуйте, Марк. У меня когда-то тоже был ворон. Звали Карл. Он прожил с нами двенадцать лет и умер у меня на руках. Я до сих пор иногда плачу, вспоминая его. Спасибо вам за Жору. Благодаря ему, я снова могу дышать».

Марк прочитал и ответил коротко:

«Спасибо вам. Мне очень жаль про Карла. Ворона не забыть».

Она написала снова. И ещё раз. И ещё.

Её звали Ирина. Ей было сорок восемь. Она жила в большом городе за тысячу километров от него, была замужем двадцать три года, имела взрослую дочь, которую звали Аня, и работала бухгалтером в какой-то фирме. Марк всё это узнал постепенно, по крохам, из её сообщений — она не выкладывала свою жизнь одним куском, а рассказывала её урывками, как человек, который долго молчал и теперь, наконец, получил возможность говорить.

Сначала они переписывались редко — раз в неделю, раз в две. Потом чаще. Потом каждый день.

Марк не знал, почему она выбрала именно его. Он был моложе её на двадцать лет — в возрасте её дочери, по сути. Он был провинциал, блогер, человек, чья жизнь состояла из леса, реки, ворона и камеры. Она — женщина из другого мира, с другой биографией, с другим опытом.

Но что-то в её сообщениях зацепило его. Может быть, эта странная, чуть старомодная интонация — она писала грамотно, без смайликов, с запятыми там, где молодые люди давно перестали их ставить. Может быть, её одиночество, которое сквозило в каждой строчке, несмотря на мужа и дочь. А может быть, просто то, что она одна из немногих писала ему не про Жору, а про него самого.

«Марк, а вы счастливы?» — спросила она однажды, и он не нашёл, что ответить.

«Не знаю, — написал он наконец. — А вы?»

«Я забыла, как это».

Они переписывались по ночам. Марк ложился спать в два, в три, в четыре утра, держа телефон в руке, и она была там — на том конце провода, в другом часовом поясе, где уже начинался её вечер. Её сообщения приходили с задержкой в час, и он научился ждать.

Жора, сидевший в соседней комнате, иногда подавал голос — ворчал что-то спросонок, и Марк улыбался в темноте, читая:

«Это ваш ворон?»

«Да. Ругается».

«Пусть поругается. Мне нравится, что у вас кто-то есть».

Голос

Через три месяца они впервые созвонились. Это случилось само собой — Марк написал:

«Мне хочется услышать ваш голос».

И она согласилась.

Её голос оказался ниже, чем он представлял. Грудной, чуть хриловатый, с какими-то паузами, в которых он слышал дыхание. Она говорила медленно, будто взвешивая каждое слово. И когда она смеялась — а она смеялась нечасто, но метко — смех этот был тихий, как будто она смеялась про себя, а не для него.

Они говорили часами. О книгах, о фильмах, о детстве, о том, почему люди остаются в браках, в которых давно нет любви.

«А почему вы остались?» — спросил он однажды.

Она помолчала долго.

«Потому что я трусиха, Марк. Потому что мне сорок восемь, и я не знаю, как начать жизнь заново. Потому что он хороший человек. Просто... не мой».

«А кто ваш?»

Она снова помолчала.

«Не знаю. Может быть, я вообще не верю, что такие есть».

Марк сжал телефон так, что пальцы побелели. Ему хотелось сказать: *«Я есть. Я здесь»*. Но он не сказал. Он был молод, неопытен и боялся спугнуть то, что между ними росло — медленно, как дерево, но верно.

Признание

Она рассказала ему про мужа через полгода. Не сразу — Марк сам не поднимал этой темы, боясь, что она уйдёт, как только он спросит прямо. Но она заговорила сама.

«Марк, я должна тебе сказать. У нас с мужем... всё как обычно. То есть он... мы... спим вместе. Он думает, что всё хорошо».

Марк читал это сообщение, сидя на кухне, и чувствовал, как что-то внутри него сжимается — медленно, как кулак. Гоша, сидевший на жёрдочке, повернул голову и посмотрел на него внимательно.

«Я не хотела тебе врать», — написала она.

«Спасибо, что сказала», — ответил он, и это было правдой. Он действительно был ей благодарен — за то, что она не стала притворяться, что её жизнь другая, чем есть.

Но в ту ночь он не спал до рассвета. Он лежал в темноте и представлял, как она — женщина, которую он полюбил, сам этого ещё не поняв, — лежит в одной постели с другим мужчиной. И этот мужчина трогает её, и она отвечает на его прикосновения, и это происходит по-настоящему, физически, в то время как Марк любит её на расстоянии, через экран, через слова.

Жора ворочался в клетке и бормотал что-то спросонок. Марк встал, подошёл к окну. За окном была зима, снег, тёмные деревья. Где-то там, за тысячу километров, была она. Жила свою жизнь. Имела мужа.

Он написал ей утром:

«Ир, я всё понял. Не переживай».

Она ответила:

«Ты хороший, Марк. Ты правда хороший».

И он подумал: *«Хороший — это значит, удобный. Это значит, тот, про кого можно не думать».*

Встреча, которой не было

Они ни разу не встретились. Ни разу.

Марк предлагал — несколько раз, робко. Она каждый раз находила причину: то дочь заболела, то муж заподозрил неладное, то она сама боялась — *«а вдруг всё разрушится, Марк, вдруг наяву мы окажемся другими».*

И он соглашался. Потому что боялся того же.

Но постепенно он понял, что она не хочет встречаться не из страха. Она не хотела встречаться, потому что ей и так было хорошо. Ей нравилось это — переписка по ночам, его голос в трубке, его ревность, которую он пытался скрыть, но не мог. Она получала от этого что-то, чего ей не хватало в её размеренной, обжитой жизни. А он... он получал её. Не всю. Частями. Ровно настолько, чтобы не умереть, но и не наесться.

«Ир, а он тебя целует сегодня?» — спросил он однажды, и сам испугался своих слов.

Она ответила не сразу.

«Марк, зачем ты так?»

«Просто скажи».

«Да. Целует».

Он положил трубку. Сидел на кухне, смотрел на Жору. Ворон посмотрел на него в ответ и сказал:

«Да уж...».

Марк усмехнулся горько.

— Да, — сказал он ворону. — Ну я даю.

Снег на экране

Зима в том году выдалась длинная. Снег лёг в октябре и не уходил до апреля, и Марк, который раньше любил это время — тишину, белизну, следы зайцев на опушке, — теперь не замечал его. Он жил внутри телефона.

Он научился угадывать её настроение по скорости ответов. Если она писала быстро, значит, муж ушёл в другую комнату или на работу. Если медленно — значит, он рядом, и она ждёт, когда тот задремлет перед телевизором. Если не писала весь вечер — значит, они вместе, и Марк представлял это так ясно, что у него начинала болеть голова.

Он заходил в её страницу в соцсети. Она редко что-то публиковала — несколько фотографий за последний год: дочь на выпускном, стол с тортом на чей-то день рождения, ёлка в гостиной. Но на одной из фотографий, сделанной в декабре, она стояла рядом с мужем. Высокий седой мужчина в свитере, он обнимал её за плечо, и она улыбалась — не счастливо, нет, а как-то по-домашнему, привычно, как улыбаются люди, которые прожили вместе четверть века.

Марк смотрел на эту фотографию долго. Потом закрывал телефон. Потом открывал снова.

Жора сидел рядом и молчал. Ворон чувствовал, что с хозяином что-то не так, но не понимал, что именно, и потому проявлял деликатность — не тараторил, не стучал клювом, просто был рядом. Иногда он тихо произносил:

— Марк. Марк.

И Марк отвечал:

— Я тут, Жора. Я тут.

То, чего не было

Они перешли на новую ступень в феврале. Ирина сама это предложила — или, может быть, не сама, а жизнь подтолкнула её, потому что ей тоже стало мало одних слов.

«Марк, а давай... включим видео?»

Он согласился. Ему было страшно, но он согласился.

Она появилась на экране в своём халате — тёмно-синем, с цветочками, каком-то очень домашнем, немолодом. Волосы были распущены, и он впервые увидел, что в них есть седина — тонкие серебристые нити у висков. Она была красива. Не так, как красивы молодые девушки, — красиво, как бывает красива женщина, в которой есть что-то, что он не умел назвать.

Они говорили долго. Потом она сказала:

«Марк... а ты можешь... раздеться?»

Он мог. Он разделся. Она смотрела на него — не жадно, не с похотью, а как-то странно, как смотрят на картину в музее, которую давно хотели увидеть.

«Ты красивый, — сказала она. — Молодой. Живой».

Потом она тоже сняла халат. Он увидел её — не идеальную, не гляцевую, а настоящую: с тяжестью в груди, с мягким животом, с телом, которое знало двадцать три года брака, роды, годы, еду, усталость. И ему стало её жалко. И ещё — ещё он захотел её так, как никогда никого не хотел.

Они делали это вместе, на расстоянии тысячи километров, через экран, в тишине своих комнат. Она закрывала глаза и произносила его имя. Он смотрел на неё и думал о том, что через час, может быть, в эту же комнату войдёт её муж. Что он ляжет рядом с ней. Что она будет лежать под ним, и он будет целовать её шею — ту самую шею, которую сейчас целовал Марк, пусть и сквозь пиксели.

После всего она долго молчала. Потом сказала:

«Прости. Я не должна была».

«Почему?»

«Потому что это было слишком хорошо. А хорошего у меня быть не должно».

Марк не понял этой фразы. Он переспросил. Она не ответила.

Удар

Всё изменилось в апреле.

Ирина позвонила сама — это бывало редко, обычно звонил он. Голос у неё был странный — взволнованный, чуть дрожащий.

«Марк, у меня новости».

«Какие?»

Она помолчала.

«Я беременна».

Он не понял сразу. Потом понял — и почувствовал, как под ним проваливается пол.

«От мужа?» — спросил он, хотя и так знал ответ.

«Да».

«В сорок восемь лет?»

«Бывает. Случайно. Мы... не предохранялись. Он не хочет».

Марк сел на пол. Прямо на кухне, на холодный кафель, и сел. Жора слетел с жёрдочки, подошёл к нему, ткнулся клювом в колено.

«Марк, ты там?» — голос её стал тревожным.

«Я тут».

«Ты... ты расстроен?»

Он хотел сказать: *«Да, я в аду»*. Но сказал:

«Нет. Всё нормально. Поздравляю».

Она засмеялась — тихо, с облегчением.

«Вот и хорошо. Вот и хорошо. Я боялась, что ты...».

«Что я?»

«Что ты расстроишься».

Он закрыл глаза. Она боялась, что он расстроится. Она, беременная от мужа, звонила ему — своему любовнику по переписке — и боялась, что он расстроится. В этом было что-то настолько абсурдное, что он чуть не засмеялся. Но не засмеялся.

«Ир, — сказал он. — А ты... хочешь этого ребёнка?»

«Не знаю. Я устала, Марк. Я так устала».

«От чего?»

«От всего. От него. От себя. От этой жизни. От того, что я делаю тебе больно, а ничего не могу изменить».

Он услышал в её голосе слёзы. И ему стало её жалко — так жалко, что собственная боль отступила на второй план.

«Не плачь, — сказал он. — Пожалуйста, не плачь».

«Я не плачу. Я просто... устала».

Они поговорили ещё немного. Она рассказала, что муж рад, что он уже начал обустроить детскую, что он купил какую-то коляску — дорогую, импортную. Марк слушал и думал о том, что этот мужчина, которого он никогда не видел, сейчас строит гнездо для своего ребёнка, в своём доме, со своей женщиной. А он — он был кем? Гостем? Ошибкой? Тенью, которая живёт в телефоне?

Разрыв

Он попытался исчезнуть. Не сразу — сначала просто перестал писать первым. Она писала сама — раз, два, три. Он отвечал коротко: *«Всё нормально. Занят»*.

Она почувствовала.

«Марк, что случилось?»

«Ничего».

«Ты отдаляешься. Я чувствую».

«Нет, всё хорошо».

«Пожалуйста, не делай так. Я не вынесу».

Он не выдержал. Написал ей длинное сообщение — впервые за всё время. Написал всё. Что он любит её. Что он не может больше. Что он не может представлять, как её трогает муж. Что он не может быть для неё развлечением, игрой, которой она заполняет пустоту. Что ему больно. Что он молод, и эта боль для него слишком велика.

Она ответила не сразу. Через два дня.

«Марк, ты думаешь, мне легко? Ты думаешь, это игра? Я люблю тебя. Я впервые за двадцать три года почувствовала, что живу. Но я не могу бросить всё. Не могу. У меня ребёнок скоро будет. У меня мать больная. У меня... у меня нет сил».

«А у меня есть?» — написал он.

«Ты молодой. Ты справишься. Ты забудешь».

«Я не хочу забывать».

«А придётся».

Они замолчали на неделю. Потом она написала снова. Потом он ответил. Потом они снова замолчали. И так — несколько недель. Они не могли друг без друга, но и друг с другом не могли. Это была какая-то странная, мучительная связь — как когда держишь в руке раскалённый уголь: и бросить больно, и держать больно.

Жора в те дни был особенно тих. Он смотрел на Марка долгими, умными глазами и иногда говорил:

«Плохо. Плохо».

И Марк гладил его по голове и говорил:

«Да, Гоша. Плохо».

Последнее письмо

В конце мая она написала ему письмо. Длинное, в несколько страниц. Она писала о том, что ребёнок будет мальчиком. Что муж предложил назвать его Александром.

«Марк, я не могу больше. Я должна выбрать. Я выбираю семью. Прости меня. Пожалуйста, забудь меня. Ты встретишь другую — молодую, свободную, которая будет только твоей. А я... я останусь здесь. В своём окне. Буду смотреть на снег и вспоминать наши ночи. Прости».

Он прочитал это письмо несколько раз. Потом положил телефон на стол. Посмотрел на Жору. Ворон смотрел на него в ответ.

«Ну ты даёшь», — сказал Жора.

Марк усмехнулся.

— Да, — сказал он. — Ну я даю.

Он встал, подошёл к окну. За окном был май, зелёный лес, река блестела вдалеке. Жизнь продолжалась. Два миллиона подписчиков ждали новых видео про Жору. Мать звонила — спрашивала, приедет ли он на дачу в выходные. Брат писал — звал на рыбалку.

А он стоял у окна и думал о том, что где-то там, за тысячу километров, женщина по имени Ирина сейчас, может быть, гладит свой округлившийся живот и думает о муже. И что это — самое жестокое, что с ним когда-либо случилось. Не потому, что она его бросила. А потому, что она его использовала — не со зла, нет, а просто потому, что ей было нужно что-то, чем он мог её наполнить. А он... он отдал ей всё.

Жора слетел с жёрдочки, подошёл к нему, сел на плечо — как делал редко, только когда чувствовал, что хозяину плохо. Тёплые лапки цеплялись за ткань рубашки.

— Жора, — тихо сказал Марк.

— Жора, — ответил ворон.

— Ты один у меня остался. Правда.

— Правда, — сказал ворон.

Марк не знал, что Жора выучил это слово от него самого — много раз, в разговорах с матерью, с братом, с кем угодно: *«Да, правда. Правда, мам»*. Ворон запомнил и теперь возвращал ему это слово, как возвращают долг.

Марк закрыл глаза.

За окном пели птицы. Лес жил своей жизнью. Река текла. Где-то в большом городе женщина укладывала спать своего ещё не родившегося сына. А он стоял у окна, с вороном на плече, и думал о том, что не знает, как жить дальше.

Июнь

Лето пришло внезапно, как всегда на Урале. Ещё вчера был холодный дождь, а сегодня — тридцать градусов, и воздух пах разогретой смолой и скошенной травой.

Марк снял новое видео про Жору. Ворон научился новому трюку — открывать маленькую коробочку, внутри которой лежало лакомство. Марк поставил камеру, включил запись, и Жора, гордый собой, справился с задачей за четыре секунды.

— Умница, — сказал Марк, поглаживая его по спине.

— Умница, — повторил Жора, и это прозвучало так, будто он соглашался сам с собой.

Марк смонтировал видео, выложил. Набрало сто тысяч просмотров за день. В комментариях — восторги, смайлики, вопросы: *«А Жора знает, что он знаменитый?»*, *«Снимите, как он разговаривает с котом!»*, *«Марк, вы самый лучший!»*

Он читал эти комментарии и чувствовал, что они про другого человека. Про того Марка, который жил месяц назад. Тот Марк радовался просмотрам, отвечал подписчикам, придумывал новые идеи. Этот Марк — просто нажимал кнопки.

Он перестал есть. Мать звонила каждый день:

— Сынок, ты худой совсем, я вижу по видео. Ты ешь вообще?

— Ем, мам.

— Врёшь. Приезжай на выходные, я пирогов напеку.

— Не могу, мам. Съёмка.

Это была ложь. Съёмки не было. Он просто не хотел ехать — не хотел, чтобы мать смотрела на него и видела, что с ним что-то не так. Он не хотел объяснять. Не мог объяснить.

Как объяснить, что ты любишь женщину, которая старше тебя на двадцать лет, замужем, беременна от мужа, и что ты не можешь её забыть? Что ты проверяешь её страницу в соцсети каждый день, хотя она тебя заблокировала? Что ты знаешь, когда она выходит в онлайн, по тому, как горит зелёный огонёк рядом с её именем? Что ты представляешь, как она сейчас — гладит живот, разговаривает с мужем, выбирает имя для ребёнка?

Жора смотрел на него и говорил:

— Плохо. Плохо.

— Да, Жора. Плохо.

Июль

Он попытался начать новую жизнь. Это звучит банально, но он правда попытался.

Стал ходить в спортзал — впервые за много лет. Записался на плавание. Стал снимать не только Жору, но и себя — свои прогулки по лесу, рыбалку, поездки в горы. Подписчикам понравилось. Они писали: *«Марк, вы изменились! Стали серьезнее!»*, *«Вам идёт борода!»*, *«Мы рады, что вы возвращаетесь!»*

Он возвращался. Он правда старался.

Но по ночам — по ночам он всё равно лежал с телефоном в руке и смотрел на её заблокированную страницу. Он знал её пароль — она однажды сказала в шутку, и он запомнил. Он мог бы зайти. Мог бы посмотреть её переписки, фотографии, всё. Но не заходил. Просто смотрел на аватарку — её лицо, спокойное, красивое, чужое.

Однажды ночью, в три часа, он не выдержал. Создал новый аккаунт — без имени, без фото — и написал ей:

«Здравствуйте. Я просто хотел узнать, как вы».

Она ответила через час.

«Кто это?»

«Просто человек».

«Пожалуйста, не пишите мне».

Он положил телефон. Лежал в темноте и слушал, как Жора ворочается в клетке.

— Жора, — сказал он.

— Жора, — ответил ворон.

— Я дурак, Жора.

— Дурак, — согласился ворон.

Марк усмехнулся. Впервые за долгое время он усмехнулся по-настоящему.

Август

В августе она родила. Он узнал об этом из её страницы — муж выложил фотографию: крошечный свёрток, розовое лицо, и подпись: *«Наш Александр. Самый красивый мальчик на свете»*.

Марк смотрел на эту фотографию долго. Потом закрыл телефон. Пошёл на кухню, налил себе воды. Руки дрожали.

Жора сидел на жёрдочке и молчал.

— Жора, — сказал Марк.

— Жора, — ответил ворон.

— Ты меня понимаешь?

Жора не ответил. Он не понимал.

Марк сел на пол. Прямо на кухне, на холодный кафель, и сел. Как тогда, в апреле, когда она сказала ему о беременности. Только тогда он сидел от шока, а теперь — от чего-то другого. От понимания, что всё кончено. Навсегда.

Что у неё теперь есть всё. Муж. Ребёнок. А у него — только ворон. И два миллиона подписчиков, которые не знают, что ему больно.

Он просидел так долго. Жора слетел с жёрдочки, подошёл к нему, сел рядом. Тёплый, живой, настоящий.

— Жора, — сказал Марк.

— Жора, — ответил ворон.

— Ты единственный, кто со мной. Правда.

— Правда, — сказал ворон.

Марк закрыл глаза.

Сентябрь

Осень пришла рано. В начале сентября уже ударили первые заморозки, и лес пожелтел за одну ночь.

Марк снял видео, как Жора собирает ягоды — ворон клевал бруснику прямо с куста, аккуратно, не повреждая листья. Видео стало вирусным — пять миллионов просмотров за неделю. Его пригласили на федеральное телевидение. Он отказался.

Мать беспокоилась. Брат приезжал, пытался разговорить:

— Марк, ты что, в депрессии? Может, к врачу сходить?

— Не депрессия, — ответил Марк. — Просто устал.

— От чего?

— От всего.

Брат посмотрел на него внимательно.

— Это из-за неё? Из-за той, с которой ты переписывался?

Марк молчал.

— Я знаю, что ты с ней переписывался, — сказал брат. — Ты же не скрывал. Телефон из рук не выпускал.

— Это было давно, — сказал Марк.

— Давно? Марк, ты выглядишь так, будто это было вчера.

Марк не ответил. Он не мог объяснить брату, что для него это не было «давно». Что каждый день — это как вчера. Что он просыпается и первое, что чувствует, — это боль. Не физическую, а какую-то глубинную, которая живёт внутри, как камень.

Октябрь

В начале октября он получил от неё сообщение. Не в мессенджере — она его заблокировала везде. А на почту. Обычную, электронную.

Письмо было коротким.

«Марк, я не знаю, зачем я это пишу. Может быть, потому что не могу больше молчать. Саша родился здоровым. Он красивый. Муж рад. Всё хорошо. Но я не счастлива. Я не знаю, буду ли когда-нибудь счастлива. Я думаю о тебе каждый день. Прости меня. Пожалуйста, живи. Ты молодой. У тебя всё впереди. А я... я останусь здесь. В своём окне. Прости».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.